

Глава 1

КОЕ-КТО ИЗ ПРОШЛОГО

«...Как утверждает лекарь, потеря памяти у Анны связана исключительно с душевным состоянием, а не с физической травмой. Конечно, она все чаще узнает места, где бывала раньше, вспоминает сцены из детства, но большая часть прошлого остается стертой. К сожалеению, дар Анны блокирует магию, и мы не можем воспользоваться колдовскими средствами, чтобы окончательно пробудить ее сознание. Я не берусь предполагать, сколько потребуется времени, чтобы она восстановила память самостоятельно, и сейчас, когда неожиданно скончался ее отец, полностью поддерживаю ваш план увезти ее в безопасное место. Я разделяю ваши опасения в том, что стоит семье Вишневских узнать о болезни, как Анну немедленно закроют в пансионате для душевнобольных и лишат права наследования. От этих людей можно ожидать чего угодно. Посему в память о суниме Валентине я готова оказать всяческую поддержку в этом деликатном деле...»

Из письма Глэдис, секретаря покойного Валентина Вишневецкого, к Кастану С., судебному заступнику и лучшему другу Анны Вишневецкой.

Я обвела неухоженный двор долгим взглядом. Ладный одноэтажный домик с остроконечной черепичной крышей, ряд пустых цветочных горшков у облицованной неровными камнями стены, куст черемухи у кованой ограды, деревянный лежак, заваленный стегаными одеялами из лоскутов. Холодный воздух наполнял хмельной аромат черемуховых соцветий, и он начинал густеть, лишь только затихал ветер.

Это место, пахнущее хмельно и сладко, было важным для меня? Иначе для чего бы в прошлом мне сюда приходиться и делать гравюры?

Я вытянула в руке плотную карточку с собственным портретом, подкрашенную водянистыми чернилами. Несмотря на то что по краю гравюры шел похожий на шрам излом, а от него по глянцевой поверхности разбегались трещинки, легко угадывалось, что деревянная оконная решетка и рыжий дождевой желоб были теми же самыми, что и на доме. Не возникало никаких сомнений, что неизвестный гравер запечатлел меня в этом самом дворе.

Но почему мне удалось вспомнить дорогу сюда, но само место — никак не выходило? От досады хотелось по-детски затопать ногами.

Спрятав гравюру в ридикюль, я прошла по выложенной мелкими плитками дорожке и остановилась под жестяным козырьком. Однако едва моя рука потянулась

к медному, подернутому зеленоватой патиной молотку, как дверь сама собой провалилась в глубь дома, обнажив черный зев. Из темного нутра на улицу выскочил высокий всклокоченный тип в белых подштанниках и в мятом камзоле, надетом аккуратно на голое тело.

Застав на пороге неожиданную гостью, мужчина остолбенел, выразительно моргнул рыжеватыми ресницами.

— Калитка была открыта... — пролепетала я и, как последняя дура, уставилась на бледный торс и полоску волос на впалом животе, убегающую за пояс исподне-го, вышитого трогательными незабудками. Опомнив-шись, мужчина резко запахнул полы камзола и попы-тался одернуть подол, точно стеснительная девица, обнаружившая на пороге опочивальни известного со-блазнителя.

Я отвернулась, давая хозяину дома возможность привести себя в относительный порядок. Хотя бы за-стегнуться, раз натянуть штаны все равно было невоз-можным.

— Прости, Анна, я не ожидал тебя здесь увидеть... — бормотал он. — Сказать честно, я вообще здесь никого не рассчитывал увидеть...

Наплевав на приличия, я резко повернула голову.

— Вы меня знаете?

— А? — У мужчины открылся рот.

— Мы знакомы?

— Ты... Эм... — замялся он и перешел на формаль-ное обращение, видимо, восприняв мое удивление за высокомерие: — Вы меня не помните?

Не помните? Сакраментальный вопрос, уже содержащий ответ, почему я оказалась в доме, которого не помнила, и не узнавала лица человека, с кем, по видимости, прежде встречалась. Около трех месяцев назад со мной произошел несчастный случай, и я потеряла память. В голове сохранились лишь обрывки из прошлого, мелкие, незначительные, похожие на выдранные и расплзшиеся лоскуты полотна. Конечно, клоки из воспоминаний ширились, превращаясь в полоски, но все равно пока не удавалось сшить их воедино.

— Я Генри. Мы встречались несколько раз. — Он нервически улыбнулся, на худой шее дернулся выпирающий кадык. — Очевидно, у меня не такое запоминающееся лицо, как мне нравится думать.

Не дождавшись от меня никакой реакции на неловкую шутку, мужчина уточнил:

— Он меня пустил пожить.

— Кто? — озадачилась я, надеясь, что странный Генри, измученный похмельем, если судить по запаху перегоревшего спиртного, идущего от него, не примет меня за особу еще более безумную, чем он сам.

— В смысле, кто? — Он недоуменно моргнул. — Влад.

Знакомое до боли имя словно ударило в солнечное сплетение. Сердце глухо заухало в ребра. В голове закружились слова.

Лицо этого мужчины пряталось в тумане, как многое из моего прошлого, но даже от звука его имени

грудь сдавливало горячим кольцом. Кем он был для меня?

— Он дома? — Спросила тихо, стараясь не выдавать волнения. — *Влад.*

Руки зудели от желания дотронуться до лица Генри, но испугать его не хотелось бы. Я обладала магическим даром и при прикосновении к человеку могла увидеть общие воспоминания. Безусловно, короткие вспышки походили на фразы, вырванные из контекста длинного рассказа, иногда выворачивали наизнанку самые невинные события, но именно этот странный для нормального человека талант помог мне не свихнуться в мире незнакомых лиц и потерянных событий.

— Его нет. — Генри покосился в сумрачную глубину дома и быстро облизнул сухие губы. — Войдете?

Мне отчаянно хотелось пройти в комнаты, но здравый смысл подсказывал, что без дуэньи в доме с незнакомым мужчиной, способным оказаться каким угодно мерзавцем, находиться было опасно.

Я собралась отказаться, как в тишине громыхнула кованая калитка. Мы резко оглянулись на лязгающий звук. Во двор входил мужчина в дорогом костюме. Увидев нас с Генри, стоявших на пороге дома, он остановился, надел на лицо ледяную маску.

Сердце сжалось, отзываясь на его появление.

Владислав.

Даже если бы в кармане старого уличного платья не нашлась гравюра, не вспомнилась дорога в этот дом, если бы мы просто столкнулись на улице, случайно скрестились взглядами, я бы узнала его. Нашла бы в

толпе, отыскала в комнате, полной народа. Наверное, подобные чувства испытывали люди, блуждавшие в тумане и вдруг увидевшие разрезавший завесу луч света: ошеломительный восторг.

Мы встретились глазами и, словно ослепнув, я сорвалась с места. Он не сделал навстречу мне даже крошечного шага, следил за стремительным приближением. Я остановилась от него в полушаге.

— Вы Владислав? Так ведь? — от волнения сел голос. — Вы меня помните? Я Анна.

Он молчал. В каре-зеленых знакомых глазах застыл лед.

— Посмотрите, сегодня я нашла в кармане дорожного платья. — Я поспешно вытащила из ридикюля измятую гравюру и продемонстрировала мужчине. — Ведь этот оттиск был сделан именно здесь? На фоне вашего дома?

Безразличный взгляд скользнул по карточке, вернулся обратно. Никакой реакции.

— Скажите, мы были знакомы? — теряя надежду, пробормотала я.

Словно не слыша меня, он посмотрел поверх моей макушки в сторону Генри, и тот без споров и лишних вопросов, словно услышав мысленный приказ, скрылся в доме. Мы остались тет-а-тет.

— Забыла? — вымолвил Влад. Святые Угодники, даже его голос, мягкий, с вкрадчивыми интонациями, заставлял екать сердце.

— Могу я к вам прикоснуться? — уклонилась я от ответа.

— Нет.

— Мне правда очень жаль, но...

В следующий момент моя влажная от волнения ладонь легла на гладко выбритую щеку мужчины. Прежде чем меня накрыло наше общее воспоминание, я успела заметить, как на секунду холод его глаз сменился смехом.

...Влад нависал надо мной, обнаженный, с каплями пота на рельефном торсе. Резко выделялись ключицы, мускулы на руках были напряжены. Лицо казалось сосредоточенным, а глаза — отсутствующими. Он тяжело дышал, как после долгого бега...

Словно обжегшись, я отдернула руку и мигом из душевной спальни вернулась в наполненный запахом черемухи двор. Становилось очевидным, что видение говорило о физической близости.

— Мы с вами... — Это было ужасно странно, но впервые за много месяцев у меня закончились слова.

Я уже не девственница?

Владислав вопросительно изогнул брови, и на страшное мгновение показалось, будто я озвучила мысль, больше походившую на претензию, вслух.

— У нас были... отношения? — наконец сумела я обличить вопрос в самую безопасную форму.

— Отношения? — Он иронично улыбнулся.

— Насколько мы были близки?

— Экипаж дожидается тебя? — Влад кивнул в сторону ворот, где сквозь кованые прутья виднелась улица и дорогая карета с поджидавшим меня кучером.

— Да.

— Превосходно, — пробормотал он, словно самому себе, и, жвав мой локоть, повел к калитке.

— Что ты... вы делаете? — Я попыталась освободиться, упиралась ногами, точно упрямый осел, но все равно оказалось силком приволоченной к экипажу.

— Нима Вишневецкая уже уезжает, — объявил кучеру Влад.

— Почему вы не хотите ответить мне? — С недоумением я разглядывала непроницаемое лицо. Он крепко держал меня за локоть, и от его пальцев через тонкую ткань по руке растекалось тепло.

Что в прошлом я любила в этом холодном человеке с удивительно горячими руками?

Возница открыл дверь, выказывая шикарный салон и удобные сиденья с мягкими спинками, разложил ступеньку.

— Забирайся, — последовал категоричный приказ.

— Пойдите, Влад. — Я схватила его за руку, меня лихорадило. — Просто ответьте мне.

— Покопайся в памяти.

— Проклятье, я не могу! — выйдя из себя и забыв об осторожности, воскликнула я. — Я страдаю потерей этой самой памяти! Вы первый человек, которого я узнала сама, без чужих подсказок! Неужели я бы стала задавать нелепые вопросы, если бы помнила о нас с вами?!

Последовала долгая-долгая пауза. Лицо Влада осталось непроницаемым, а глаза — пустыми. Мне не удавалось угадать реакцию на признание.

— Доброго пути, Анна, — тихо произнес он. — Все к лучшему, что ты меня забыла. Надеюсь, что ты больше не сделаешь такой глупости и не приедешь сюда.

Мужчина развернулся и твердым шагом направился обратно к калитке.

— Я приеду завтра! — заявила я ему в спину, впрочем, не заставив помедлить или хотя бы оглянуться. — Я буду приезжать каждый день, пока не пойму, что нас связывало!

Он нарочито громыхнул калиткой, вспугнув ворону, сидевшую на маковке уличного фонаря.

* * *

В окне кареты проплывали дремотные деревенские пейзажи. Тонкая долька солнца практически скрылась за горизонтом, и последние лучи окрашивали перистые облака в розоватый цвет. Вечер плавно опускался на сонный городок в получасе езды от городских ворот. Экипаж покачивался по укатанной дороге.

...Сливочный пудинг, золотая монета, гравират¹, Искра, любовники.

В моей голове крутились сотни слов, обрывки фраз, смутные образы, но, как я ни собирала их вместе, они не сходились в единую картину.

...Кофей, каштановые волосы, каре-зеленые глаза, кристалл.

¹ Г р а в и р а т — устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

Золотое перо скользило по чистой странице блокнота, мелкими жемчужными бусами рассыпались буквы, написанные твердым, совсем не женским почерком.

Мост, огни, замок, дворец, ледяная вишня...

— Анна!

Рука дрогнула. Чернильным шрамом до края прочертилась кривая линия.

Отрываясь от чистописания, я подняла голову. По парковой дорожке, разрисованной солнечной мозаикой, в мою сторону торопилась среднего роста нима, спрятанная в глухо застегнутое до самого подбородка коричневое платье. Это она рассказала о том, что в ночь, когда меня выловили из Эльбы¹, от кровоизлияния в мозг скончался Валентин Вишневецкий, мой отец. Я читала о нем в листовке от какого-то газетного листа и не испытывала никаких эмоций, точно узнала о смерти незнакомца, а не человека, подарившего мне жизнь.

— Глэдис. — Я помахала рукой и закрыла блокнот, пряча бесконечные шеренги бессвязных слов.

— Нима Анна, как вы себя чувствуете? — Она присела на скамью рядом со мной. От нее никогда не пахло сладкими благовониями, как, например, от помощницы профессора.

— Терпимо.

— Вы выглядите бледной.

— Я плохо спала, — призналась я. Было так сложно цепляться за сознание, когда голову окутывал липкий туман.

¹ Эльба — название реки, разделяющей город Алмерия на две равные доли, восточную и западную.

...Полевые цветы, горячие руки, боль.

Мой беспокойный взгляд остановился на мрачном здании лечебницы с башней, похожей на пожарную каланчу.

— Разве Кастан не приехал с тобой?

Кастан Стомма, красивый, светловолосый мужчина с меланхоличным воспоминанием о том, как мы, стараюсь не замечать пронзительно-ледяного ветра, стояли на мосту и прямо из бутылки пили ледяное игристое вино со вкусом вишни, что, конечно же, совершенно не пристало благородной ниме Вишневской.

Позже он расшифровал видение. В тот день на Тюремной площади повесили его клиента, и таким нехитрым образом я пыталась поддержать провалившегося судебного заступника.

— Он делает последние распоряжения. — Глэдис пожала мне руку. Ее пальцы всегда были холодные, влажные, с аккуратно подпиленными круглыми ноготками. — Больше не придется врать, что вы не хотите видеть родственников, Анна. Мы нашли убежище. У вас будет время все вспомнить.

— Спасибо, Глэдис.

Мне так хотелось спрятаться, но не на земле среди людей, а в мире, где воспоминания не играли важной роли, зато бесконечно светило солнце и по заливным лугам прыгали розовые пони. Ради кого мне стоило оставаться в рассудке?

Гравюра, стена, оконная решетка, стон, вздох, всхлип... Владислав Горский.

— Нима, мы приехали!

Разбуженная неожиданным окликом я открыла глаза и, плохо соображая, выглянула в окошко. Экипаж стоял напротив настежь раскрытых ворот в двухэтажный особнячок, собранный из неровного камня и с узкими цветочными горшками на подоконниках. Половину тесного двора занимала карета, принадлежащая Кастану Стомме.

Подходя к веранде, я заметила, как на первом этаже шевельнулась занавеска, и даже не успела постучать молоточком, как дверь распахнулась, и на пороге возникла Глэдис. Судя по складочкам, залегшим в уголках губ, она пребывала в праведном гневе из-за моего побега.

— Нима Анна, как вы посмели уехать и ничего мне не сказать! — тихо высказалась Глэдис с металлом в голосе. — Хотя бы представляете, как сильно я волновалась?

В голову пришло, что по дороге стоило купить засахаренных орешков и шариков ягодного сахара. Ворчунья обожала сладкое и всегда меняла гнев на милости при виде кульков с гостинцами.

— Извини, Глэдис.

— Разве было сложно оставить простую записку?

— Я слишком торопилась.

Гравюру я случайно нашла в кармане старого дорожного платья, лежавшего в холщовой сумке со времен побега из лекарского пансионата. Оказалось достаточно одного мимолетного взгляда на карточку, чтобы отыскать в голове ответ, где именно находился

дом. Неожиданно и легко вернувшееся воспоминание меня ошеломило. Через пару часов я стояла перед домом с гравюры в старой части города и даже не подозревала, что обнаружила кров человека, чье имя преследовало меня с самого пробуждения после несчастного случая.

— Вы торопились настолько, что забыли надеть следящий кристалл? — буркнула Глэдис.

Моя рука взметнулась к шее, но подвески с магическим камнем не оказалось. Впопыхах я нарушила абсолютно все правила, установленные ради моей безопасности. Тут мне стало по-настоящему стыдно.

После несчастного случая я плохо ориентировалась в пространстве, иногда путала право и лево и могла заблудиться, просто выйдя на прогулку до реки. Тогда Кастан привез украшение со следящим кристаллом, созданное знакомым ему магом, и дуэнья в любой момент по карте, специально приколоченной к стене, могла определить, где я нахожусь.

— Мне правда жаль, Глэдис, — отозвалась я и тут же указала пальцем в глубь дома. — Ты же не оставишь меня спать на улице, правда?

Она пропустила меня в холл.

— Суним Стомма дожидается вас в гостиной уже три часа! — отрезала она. — Какие у вас могут быть дела, что вы уехали на целый день? Я думала, что с ума сойду от беспокойства!

— Так, может, не надо было его вызывать? — прошептала я.

Глэдис демонстративно цыкнула, развернулась на каблуках и, чеканя каждый шаг, направилась в сторону кухни.

— Не дуйся, Глэдис! — бросила я ей спину.

— Ужин в восемь! — Дуэнья не оглянулась. — Сейчас принесу чай!

Когда я вошла в гостиную, то обнаружила Кастана стоявшим у моей письменной доски. С непроницаемым видом он просматривал неосторожно оставленный мною блокнот, куда я записывала бесконечные слова и фразы, заполонявшие сознание. Точно назойливые пчелы, они гудели в голове и не затихали, пока не оказывались переложенными на бумагу.

Я тихонечко кашлянула, давая знать о своем появлении, и мужчина оглянулся в мою сторону. Не знаю, кто из нас испытывал большую неловкость: Кастан, из-за того что залез в чужой дневник, или я, из-за того что страницы этого самого дневника вместо записанных воспоминаний занимала нечитабельная абракадабра.

— Подозреваю, что на уроках словесности у меня были отличные отметки, — нервически пошутила я. — Иначе, откуда у меня такой богатый словарный запас? Наверняка я уже переплюнула составителя Большого Алмерийского словаря.

Мы одновременно посмотрели в сторону книжного шкафа, где на верхней полке тесно прижимались кожаными боками разноцветные блокноты, исписанные мною после побега.

— Уверен, что по сравнению с тобой он школяр, — подхватил шутку Кастан и протянул руки для приветствия.

Я сжала его теплые большие ладони влажными пальцами. Мне сколько угодно можно было трогать руки, но обрывки общих воспоминаний вспыхивали в голове только при прикосновении к лицу. Видимо, в прошлом я тщательно скрывала и контролировала проявления дара. Возможно, считала его изъязном.

— Тебе не стоило приезжать по первому требованию Глэдис, — произнесла я. — Наверняка ты сейчас сильно занят.

— Куда ты ездила? — перебил он.

— В газетных листах говорят, что твоему брату предложили должность мэра в Гнездиче?¹ — сделав вид, что не услышала вопроса, учтивым тоном продолжила я. — Ты тоже думаешь переехать в провинцию?

— Не пытайся вести со мной светские беседы, — отрезал Кастан. — Я понимаю, что ты заговариваешь мне зубы.

— Мне не нравится, что ты приехал только для того, чтобы устроить мне разнос за рассеянность. — Я театрально приложила руку к груди: — Обещаю, что теперь не стану снимать следящий кристалл даже в умывальне.

На некоторое время мы замолчали.

¹ Гнездич — второй по величине город Алмерии, его называют культурной столицей королевства, что не мешает столичным снобам называть его жителей «провинциалами». Действие романа «Бесстрашная» разворачивается в Гнездиче.

— Я приехал не из-за Глэдис. Твоя мачеха подала Его Высочеству прошение о том, чтобы тебя признали погибшей, — без предисловий и подготовок вдруг огорошил меня Кастан, словно ему было столь невыносимо тащить груз дурной вести, что он не желал, но все равно его выронил. — Мне искренне жаль, но времени больше не осталось. Через три месяца пройдет официальное оглашение завещания, и ты должна воскреснуть, Анна, пока они не оставили тебя с одной парой туфель.

Новость обрушилась на меня, как ледяной водопад, подмяла под себя. В голове, как проклятые, закружились бессмысленные слова.

...Плющ, оконная решетка, чердак, клавишины, огонь.

— Мы знали, что этот день когда-нибудь наступит. Так ведь? — Я надеялась, что сумела скрыть, сколь пугающей казалась мне перспектива столкнуться нос к носу с реальностью. Виски ломило.

Я резко выдохнула, пытаясь потушить мысленную речевую карусель, возникавшую во время любого нервного напряжения.

— Все нормально, я справлюсь. Ты же видишь, что мне гораздо лучше. По крайней мере, я знаю родственников по гравюрам и не перепутаю имен.

...Синий бархат, фарфоровое лицо, серебристая пыль.

Кастан нахмурился, словно услышал мое мысленное жонглирование фразами. Невольно я проследила за его задумчивым взглядом и осознала, что он рассматривал мои руки. Сама того не подозревая, я до крови расковыряла на большом пальце заусенец.

— У меня есть к тебе просьба, — после долгого молчания произнесла я. — Я хочу, чтобы ты собрал досье на одного человека. Возможно, ты его даже вспомнишь. Его зовут Владислав Горский.

В тишине, обрушившейся на комнату, раздался оглушительный грохот бьющейся посуды. Мы резко оглянулись. Прижимая руки ко рту, в дверях застыла испуганная Глэдис, у нее под ногами валялись серебряный поднос и черепки чайного сервиза. По наборному паркету растекалась лужа.

— Простите, — пробормотала Глэдис и поспешно принялась собирать осколки.

— Я помогу, — предложила я, стараясь не задумываться о том, почему при упоминании имени Владислава у моего близкого друга вытянулось лицо. В том, что мои опекуны его знали, не оставалось никаких сомнений.

Некоторое время единодушное молчание нарушал лишь звон осколков, складываемых на зеркальную поверхность подноса.

— Расскажите, почему имя Владислава Горского испугало вас? — сидя на корточках, тихо произнесла я и посмотрела на Кастана. — Что меня связывало с ним?

— Ты встречалась с сунимом Горским? — сдержанно отозвался судебный заступник.

— Случайно. Я вспомнила, где находится его дом, но не ожидала там застать хозяина. Влад сделал вид, что мы почти незнакомы.

Неожиданно Стомма усмехнулся какой-то непонятной мысли и спросил:

— Что ты хочешь знать о нем?

— Все. — Я помогла Глэдис поднять поднос с расколоченным сервизом. — Я хочу знать о нем все.

— А если его досье окажется полным неприятных сюрпризов?

— Ну, я же не могу исправить прошлое? — дернула я плечом.

Кастан уехал от нас, когда за окном густела ночь и улицы тихого поселка, не знакомые с магическим освещением, утонули в беспросветной темноте. Сидя перед зеркалом, я следила, как Глэдис терпеливо расчесывала мои длинные волосы. От яркого блеска магического кристалла казалось, будто вокруг головы светился нимб.

— Почему ты никогда не рассказывала мне о нем? — спросила я, рассматривая дуэнью сквозь отражение. Глэдис тут же догадалась, что речь идет о Владе. На мгновение расческа замерла в воздухе, а потом снова длинные острые зубцы прошли по золотой волне.

— Мне почти ничего не известно о том мужчине, но знаю, что вы сильно ссорились с сунимом Вишневским из-за него. Владислав Горский ему совершенно не нравился, но вы не слышали никаких увещаний...

Она резко осеклась, вскинулась. Наши взгляды встретились, и в лице Глэдис вспыхнуло понимание, что еще минуту назад я не догадывалась о том, кем на самом деле являлся для меня Влад.

— Наш роман закончился плохо?

Дуэнья помолчала, а потом все-таки призналась:

— Насколько я понимаю, он и не заканчивался. Вы забыли сунима Горского, как и всех остальных.

Я схватилась за влажный от утренней росы молоточек на двери в дом Владислава Горского, но постучаться решила не сразу. Звук вышел глухим, негостеприимным, и на него никто не вышел. Я ударила молотком еще, уже настойчивее и смелее, так, чтобы хозяева услышали меня даже в дальних кладовках. И снова тишина в ответ.

Не придумав ничего лучше, я вытащила из ридикюля блокнот и быстро накарябала:

«Дайте шанс вас вспомнить. Мой адрес... Анна».

Выдрав листок, я сложила его вчетверо и воткнула в дверь, но уходить не торопилась. Ради несостоявшегося свидания с прошлым мне пришлось два часа протрястись в карете и хотелось хотя бы спокойно рассмотреть двор. Вдруг что-нибудь вспомнится?

Присев на краешек деревянного лежака, откуда на ночь кто-то убрал одеяла, я окинула старый дом долгим взглядом. В нем явно жили люди скромного достатка. Не поэтому ли мы ссорились с отцом? Хотя из разговоров с Глэдис у меня сложилось впечатление, что он снобом не был, да и Ева, его вторая жена, до замужества определенно не принадлежала к высшему обществу и титулов не носила, а работала дуэньей. Если быть точнее, моей дуэньей.

Неожиданно в тишине раздался звук открываемой двери, и у меня екнуло сердце. Записка слетела на пол, и на нее немедленно наступила начищенная до блеска туфля. Замерев, я следила за тем, как Влад нагнулся и,

недоуменно нахмурившись, поднял послание. Секундой позже его взгляд остановился на мне и похолодел. Начиная краснеть, как робкая институтка, я сжала в руках ридикюль и медленно поднялась.

— Здравствуйте, — мой несмелый голос точно прозвучал со стороны.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты перестала сюда приезжать? — резко спросил он.

— Я же обещала, что буду появляться здесь каждый день, пока не вспомню.

Ничего не ответив, Влад решительным шагом направился к воротам. Он оставлял меня один на один с запертым домом!

— Простите, что я забыла вас! — громко вымолвила я ему в спину, и Горский резко остановился, точно ударился в невидимую стену. — Простите, что до сих пор не могу вас вспомнить! Наверное, для вас было шоком, когда я сначала пропала и вдруг появилась три месяца спустя. Вот так, как ни в чем не бывало. Простите, что мне никто не рассказал о вас, а я не спрашивала, хотя ваше имя снова и снова всплывало у меня в голове.

Он сунул руки в карманы, развернулся. В его лице неожиданно светилось высокомерие.

— Если вы поможете мне, расскажете о том, что между нами было. Я уверена, что смогу вспомнить.

— Вспомнить? — Влад нехорошо усмехнулся и стал медленно приближаться ко мне.

В душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Он подошел так близко, что я невольно попятилась и со

всего маху неловко уселась на лежак. Положение человека, смотревшего на собеседника снизу вверх, делало меня уязвимой.

Он склонился, и наши глаза оказались на одном уровне.

— Что ты хочешь обо мне вспомнить?

— Мы любили друг друга? — Я для чего-то прижала сумку к груди, как щит, подсознательно пытаюсь отгородиться от нависавшего надо мной мужчины.

— Мы? — Он высокомерно усмехнулся. — Точно нет.

— Лжец.

— Но ты ведь это не можешь знать наверняка, так ведь, Анна?

— Но ведь я могу и проверить...

Секундой позже моя ладонь легла ему на щеку, и за миг перед тем, как утонуть в нашем общем видении, я успела заметить, как обжигающий лед его глаз неожиданно потеплел.

...Петля заколдованного замка щелкает в гнезде, и темноту разрезает голубоватая вспышка. Это огромное нахальство повесить круглый навесной замок на перила Королевского моста, откуда, как на ладони, виден Алмерийский дворец, но я уверена, что Его Высочество простит мне хулиганство. Принц испытывает ко мне слабость и прощает все, даже возмутительную дерзость.

— Ты знаешь, что его невозможно снять? Не боишься так сильно рисковать? — Влад смотрит со снисходительной улыбкой.

Он не разделяет удушающего сумасшествия, охватывающего меня. Он всегда раздражающе спокоен и собран, а мою грудь разрывает от клокочущих внутри чувств. Кажется, я даже не могу улыбаться.

Пытаюсь пальцами обхватить запястье Влада, но рука слишком мала, чтобы обвить его полностью, как кольцом. Разрыв выглядит тревожно. Искать во всем знаки — это признак любви?

— Я хочу стать твоим замком, — шепчу я...

Убрав руку от лица Влада, я вернулась в реальность. Густое и насыщенное воспоминание кружило голову, как крепкое вино, и впервые за много времени в ней не осталось места ни для одного проклятого слова.

— Не веди себя как мерзавец. Ты не такой, — прошептала я. — Я уверена, что не смогла бы влюбиться в мерзавца.

— Ты слишком мало знаешь о самой себе. — С короткой улыбкой он протянул мне зажатый между пальцами сложенный листочек с адресом. — Прощай, Анна.

Влад ушел, оставив меня наедине с украденным воспоминанием и старым домом с темными окнами. Прежде чем уйти, я настырно вернула записку на место.

* * *

На три дня столицу и пригород накрыло серыми низкими тучами. Окрестности маленького особнячка омывал дождь, стучал по крыше, змеился по оконным стеклам. Ветер гнул и трепал деревья, и со второго

этажа было видно, как косые потоки ливня, бьющие по фермерским полям, от каждого порыва подергивались видимыми невооруженным глазом волнами. И как только серая хмарь истончилась, в прорехах показались несмелые солнечные лучи, а грязь на размытых глинистых дорогах стала подсыхать, у нашего дома остановилась незнакомая карета.

Не веря собственным глазам, я припала к окну, и когда дверца открылась, то, сама того не желая, задержала дыхание. Однако из экипажа появился смутно знакомый тип, высокий и худой, в недурственном камзоле и в высоких сапогах.

— Генри? — игнорируя сжавшееся от разочарования беспардонное сердце, припомнила я приятеля, живущего в доме Владислава.

Он сильно удивился, когда увидел на пороге меня, и вместо приветствия брякнул:

— А лакей?

— У нас нет лакея, — для чего-то оповестила я, вдруг остро почувствовав пустоту особняка, ведь, едва распогодилось, Глэдис отправилась в город. — Что вас привело к нам?

Генри покосился на притолоку, где поблескивал вживленный в дерево магический амулет, не пускающий в дом нежданных гостей. Насколько мне было известно, подобный кристалл стоил баснословных денег, но Кастан настоял на магических рамках ради нашей с Глэдис безопасности. Понимая, что без приглашения войти все равно не сможет, гость прочистил горло и объявил:

— Откровенно говоря, я здесь в качестве посыльного.

Он протянул знакомый сложенный вчетверо листочек, и у меня загромыхало сердце. Я схватила записку, развернула и с жадностью прочитала короткое послание, оставленное сразу под моим письмом.

«Я жду тебя».

— Почему Влад не приехал сам? — подняла я глаза от записки.

— Вы исчезли, забыв с ним попрощаться, так что будьте к нему чуточку снисходительнее, Анна.

— Мне надо переодеться, — решила я на поездку. — Вы можете подождать в доме.

— Не переживайте о моем комфорте, я вполне способен посидеть в экипаже, — церемонно отказался от приглашения Генри и указал большим пальцем назад, намекая на заляпанную грязью карету.

Застегивать бесконечный пуговичный ряд, пудрить лицо, накладывать на губы розовую помазулю тонкой кисточкой нервными, нетерпеливыми руками было страсть как неудобно. Закончив со сборами, я остановилась у высокого зеркала. Из отражения на меня смотрела ярко накрашенная высокородная дама в дорогом бархатном платье и с несуразной маленькой шляпкой, приколотой к светлым волосам.

...Нелепая, смешная, претенциозная.

Разозлившись, я сорвала головной убор, вылезла из вычурного наряда, смыла краску с лица, надела простое дорожное платье. Вернулась из коридора, чтобы нацепить следящий кристалл, на столике в холле

оставила письмо для Глэдис и вышла из дверей. К моему огромному удивлению, золотые карманные часы с острыми стрелками показали, что сборы заняли всего десять минут.

Генри с неуклюжей обходительностью помог мне усесться в карету, и все равно, когда я забиралась, то испачкала подол. В экипаже пахло кислым вином, словно кто-то разбил целую бутылку, а в незашторенное окно струилась дождливая прохлада, и я пожалела, что не взяла шаль.

Некоторое время мы в полном молчании тряслись по размытой дороге, но вдруг у Генри вырвался странный смешок. С удивлением я обратилась к попутчику. Он кусал кулак, стараясь подавить приступ хохота, и мне стало не по себе.

— Генри, что вас рассмешило?

— Я много лет мучаюсь вопросом, почему стоит произнести имя Влада Горского, как даже умницы превращаются в безмозглых гусынь?

— Простите?

— Ты так легко поехала со мной, Анна...

Я не успела испугаться и осознать, что происходит, как он выставил ладонь и с силой сдул мне в лицо серебристый порошок. В воздухе закружилось мерцающее на солнце облако, кислый запах усилился. Невольно я вдохнула пыль, в носу запершило, а во рту появился горьковатый привкус. Закашлявшись, я прохрипела:

— Что ты делаешь?

— Избавляюсь от тебя.